

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ В.Т. ЛИСОВСКИМ

Вопрос: Как и когда складывалась социология как профессия в Советском Союзе?

Ответ: Сложившаяся в России как самостоятельная научная дисциплина во второй половине прошлого века, отечественная социология прошла нелегкий и противоречивый путь. Дореволюционное развитие социологии было весьма интенсивным и происходило в рамках различных школ и направлений, их представители нередко вели активную полемику. Действовало «Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского», широко издавались труды российских и зарубежных социологов. И все же как научная дисциплина социология не была представлена в российских университетах до 1917 г. После Октябрьской революции были созданы кафедры социологии в Петроградском и Ярославском университетах, в 1919 г. открыт Социобиологический институт с социологическим отделением, которое возглавлял ставший впоследствии классиком мировой социологии П.А. Сорокин.

В 1918 г. В.И. Ленин, на которого теперь не «модно» ссылаться, при подготовке проекта постановления Совнаркома «О Социалистической академии общественных наук» писал: «Одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований» [1, с. 372].

В 1918 – 1919 гг. работники Бюро психологических исследований провели актуальные опросы в клубах для подростков в Москве и Твери. В числе других вопросов были такие: «Что есть самое хорошее в жизни?» и «Что самое дурное в жизни?» [2, с. 11 – 13].

В 20 – 30-х годах было издано около 300 различных книг и брошюр, в которых освещались результаты конкретных исследований новых социальных процессов, происходящих в стране. Социологические исследования позволили сравнить результаты исследований, проведенных до революции, с новыми данными.

В 20-е годы проводились конкретные социологические исследования труда и быта рабочих, крестьян, студенчества, проблем народонаселения, миграции, культуры и искусства. Однако для социологической науки в России это были трудные времена. Еще в 1922 г. вместе с другими российскими интеллектуалами, не желавшими идти на службу к большевикам, был выслан из страны П.А. Сорокин. Подверглись репрессиям многие ученые. Социологические кафедры и учреждения были закрыты. Отдельные попытки развивать социологию в рамках марксистской теории не увенчались успехом, в 1920 г. она была объявлена «буржуазной лженаукой», враждебной марксизму. Прекратились и прикладные исследования [3, с. 23].

Лисовский Владимир Тимофеевич (р. 1929) — факультет социологии СПбГУ, профессор, доктор философских наук, чл.-корр. Российской Академии образования, заслуженный деятель науки России, Отличник народного просвещения РСФСР.

Адрес: 193060, СПб., ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Тел.: (812) 271-96-62, факс: 110-00-77.

E-mail: soc@soc.spbpu.ru

Однако в 1936 г. в журнале «Под знаменем марксизма» разъяснялось, «что марксистская общественная наука и есть социология, и нет никаких оснований считать данное слово опошленным буржуазными учеными» [4, с. 110], и самое главное — было установлено, что слово «социология» употреблено И.В. Сталиным «в политическом смысле» [5, с. 532].

К осени 1946 г. в Институте философии Академии наук появилось нечто похожее на социологическое подразделение-сектор, которым руководил профессор М.П. Баскин. Он занимался изучением и критикой зарубежных социологических концепций. Массовые методически оснащенные обследования, в том числе опросы, в рамках открытой академической и вузовской науки стали проводиться в начале 60-х годов. Их результаты использовались для выработки внутренней политики режима.

В 1950-е годы в лексиконе советского марксизма возникло словосочетание «конкретные исследования». В научных статьях стали все чаще появляться фактические сведения о становлении личности рабочего, преодолении пережитков прошлого, трудовом героизме. В них было немало идеализации.

На международном совещании социологов в январе 1958 г. термин «социологические исследования» был освящен академической властью. 25 февраля 1966 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление «О мерах по улучшению организации и координации конкретных исследований».

В 1960-е годы социология была на подъеме, в середине 1966 г. вышел двухтомник «Социология в СССР», который был призван легализовать новую область исследований. «Социология удачно вписывалась в научную версию коммунистического строительства, ее задача заключалась в информационном обеспечении формирования «нового человека» и перерастания социалистических отношений в коммунистические». Такой вывод сделал профессор Г.С. Батыгин в книге «Социология в России» [6, с. 35–36].

Да, мы являемся живыми свидетелями и участниками возрождения (правильнее сказать второго рождения) социологии в конце 50-х — начале 60-х годов. Конечно, трудно избежать субъективной оценки интерпретации событий того периода. Но глубоко прав В.А. Ядов, сказавший, что «"социологи-шестидесятники" в большинстве начинали с самообучения у западных авторов» [6, с. 9]. Проводились исследования общественного мнения и аудиторий центральных газет (Б.А. Грушин, В.Э. Шляпентох). Ленинградский проект «Человек и его работа» (руководитель В.А. Ядов) стал методологическим эталоном для социологов. В Новосибирске активно изучались профессиональные ориентации школьников (В.Н. Шубкин). В 1967 г. была опубликована книга И.С. Кона «Социология личности» и коллективная монография «Человек и его работа».

Итак, в начале 60-х годов, в разгар «хрущевской оттепели», были сделаны первые шаги к постепенному возрождению социологии в нашей стране. Этот процесс начался со снятия официального табу на проведение конкретных исследований, сама же социологическая теория долгое время отождествлялась с историческим материализмом, впоследствии и с теорией научного коммунизма. Социологии отводился статус прикладной дисциплины.

В 1960 г. на философском факультете Ленинградского государственного университета была создана одна из первых в СССР лабораторий социологических исследований. Ее возглавил В.А. Ядов. Большую поддержку начинаю-

щим социологам оказали в те годы декан философского факультета В.П. Рожин и ректор университета А.Д. Александров. Сотрудники лаборатории обследовали 2,5 тысячи молодых рабочих, занятых различным по характеру и содержанию трудом, и показали, что работающий индивид — не функциональный придаток машины, а личность, наделенная чрезвычайно сложным и богатым внутренним миром [7].

Так впервые совершился прорыв в неисследованный мир работающего человека. Социологи пришли к выводу о том, что в условиях социализма труд может выступать источником внутреннего удовлетворения лишь при условии достаточно богатого его содержания [8, с. 306–307].

В 1965 г. при Ленинградском университете был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), где большое внимание стали уделять социологии. Первым директором института стал молодой доктор философских наук, профессор В.Я. Ельмеев. Лаборатории возглавили известные ученые: академик АПН СССР Б.Г. Ананьев, профессор В.Р. Полозов, доценты В.А. Ядов, П.П. Осипов, старшие научные сотрудники Л.И. Спиридонов, Ю.А. Суслов, В.Я. Бушурова и другие. Институт стал выпускать научные труды «Человек и общество». Опубликовано 30 сборников.

В Ленинградском университете работали такие всемирно известные социологи как И.С. Кон, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, живущие сейчас в Москве. Возглавил несколько лет назад филиал петербургского отделения Института социологии РАН профессор С.И. Голод, бывший сотрудник лаборатории В.А. Ядова. Большой вклад в создание НИИКСИ внес в 1965 г. бывший проректор университета, член-корр. РАН Д.А. Керимов, ставший на короткое время его директором.

За руководство разработкой концепции социального планирования профессору А.С. Пашкову, бывшему в течение 17 лет директором НИИКСИ, была присуждена Государственная премия СССР.

В феврале 1966 г. в Ленинграде состоялся первый Всесоюзный симпозиум на тему «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР», в котором приняли участие около 500 человек.

Новый этап в развитии советской социологии начинается в 1968 г., когда создается Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, директором которого стал академик А.М. Румянцев, в 1972 г. новым директором института стал член-корр. АН СССР М.Н. Руткевич. Начались конфликты, уволились десятки ведущих сотрудников. В 1976 г. Руткевич был освобожден, но институт продолжал работать по 1988 г. в атмосфере запутанности и профессиональной деморализации.

Мы видим, что возрождение социологии не было гладким. Как обоснованно заметил академик РАО И.С. Кон, «социология несла в себе мощное социально-критическое начало. Ведь она предполагала изучение действительности, которое неизбежно, каким бы робким конформистом не был сам исследователь, — среди первых советских социологов таковых было немного, в большинстве своем они были смелые, мужественные люди, — показывала ложь и несостоятельность господствующей идеологии. Эту опасность безошибочно чувствовали партийные бонзы. Общественные науки могут развиваться, только изучая реальные социальные проблемы. Между тем "зрелый социализм" прин-

ципально утверждал социальную беспроблемность. Советское общество достигло такой стадии зрелости, когда сущность и явления совпадали, сделав науку излишней».

Люди, стоявшие у истоков советской социологии, не имели на этот счет иллюзий. Мы поднимали один и тот же тост — «за успех нашего безнадежного дела». Тем не менее делали все, что могли [9, с. 182].

Такова историографическая схема, доминирующая в обсуждении судеб российской социологии. «Хорошая» социология противостояла «плохой» идеологии. Как любое черно-белое изображение истории идей, эта схема вытекает из предубеждений.

Прав В.А. Ядов, что «несомненны и разрывы в преемственности научных традиций, нормально познавательного процесса общественной жизни с опорой на доказательное знание: вследствие репрессий, запретов на публикации, ликвидации целых научных школ. Последующие поколения исследователей начинали свою работу как бы заново. Часто это оборачивалось полной неосведомленностью об истории российской социологии» [6, с. 9].

Однако профессор Г.С. Батыгин утверждает «непрерывность российской традиции, никогда не замыкавшейся в рамках академической доктрины» [6, с. 23–24]. И я с ним согласен.

В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». В номенклатуре научных исследований «социология» была отделена от философии.

В 1991 г. был создан Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ — директор академик Т.И. Заславская. Ее сменил на этом посту профессор Ю.А. Левада).

Социология, как «биография народа», все полнее входит в жизнь общества, но в нашей науке немало конъюнктуры, исследований «вокруг Садового кольца» и «Невского проспекта». И это нас очень беспокоит.

Вопрос: Что можно сказать о роли Ленинграда в становлении российской социологии, о ленинградской школе? Вы непосредственно участвовали в этом процессе, потому Ваши впечатления были бы особенно ценны для наших читателей.

Ответ: Как на огонек в ядовскую лабораторию, после ее создания, потянулись начинающие социологи из других городов СССР. Проект «Человек и его работа» на долгие годы определил теоретико-прикладные изыскания в отечественной социологии [7]. Ленинградские социологи под руководством В.А. Ядова обследовали 2,5 тыс. молодых рабочих, занятых различным по характеру и содержанию трудом (от не- и малоквалифицированных до высококвалифицированных специальностей), и доказали, что работающий индивид — не функциональный придаток машины, а личность, наделенная чрезвычайно сложным и богатым миром.

Так впервые совершился прорыв в неисследованный мир работающего человека. Ученые обнаружили два типа мотивации: 1) внутреннюю, связанную с саморазвитием и творчеством; 2) внешнюю (побудительную), ориентирующую человека на отношение к работе как средству существования. Двойственность характера труда — труд как средство существования и как первая жизненная

потребность — исходный постулат исторического материализма. В западной социологии того времени утвердилось разделение на внутреннюю и внешнюю мотивацию труда.

Оригинальность программы ленинградского исследования надо видеть, скорее, в частнотеоретических гипотезах и выводах. Начав с общеизвестного, социологи обнаружили неизвестные до того тенденции и пришли к выводу о том, что в условиях социализма труд может выступать источником внутреннего удовлетворения лишь при условии достаточно богатого его содержания. (Под содержанием труда в те годы понималась совокупность функций и трудовых обязанностей на рабочем месте.) Было показано, что инструментальная мотивация доминирует в простом труде, творческие мотивы — в сложном, квалифицированном (интерес к самой работе, продвижение по службе и т.д.).

Значение книги «Человек и его работа» очень велико. Она не только повлияла на практику заводских и прикладных социологов в СССР, но приобрела и международное звучание. В 1960 г. известный американский социолог Ф. Херцберг выдвинул двухфакторную теорию мотивации труда, согласно которой удовлетворенность повышают только мотиваторы (содержание труда: достижение, признание, продвижение, сама работа, возможность творческого роста, ответственность), а гигиенические факторы (условия работы: зарплата, политика компании, межличностные отношения и др.) лишь снижают степень неудовлетворенности трудом.

В 60-е годы широкую эмпирическую проверку теории Ф. Херцберга приняли социологи из разных стран. В СССР подобное исследование осуществили В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов и Н. Наумова. Советские социологи не только выявили роль высших мотиваторов, но привязали типы мотивации к видам труда, чего не было у Ф. Херцберга.

А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов подготовили для книги «Человек и его работа» главу, в которой осмелились привести прямое сопоставление данных по Ленинграду с исследованиями Ф. Херцберга в США (последний использовал их методику для аккуратного сравнительного анализа). Статья не была опубликована: цензура изъяла ее из книги [8, с. 221].

В недавней публикации В.С. Магун утверждает, что данный изощренный статистический анализ сыграл злую шутку с авторами исследования и, возможно, привел к ошибочному выводу о доминанте содержательной мотивации труда высококвалифицированных рабочих [10, с. 21].

Социолог С.М. Пелевин сочинил по этому поводу частушку: «Наш рабочий во всем признался, деньги главными не посчитал. Тут уж Херцберг не удержался и методику нашу взял». На практике все оказалось значительно сложнее, чем в теории.

Ленинградскую кафедру философии АН СССР возглавлял крупнейший специалист в области социологии семьи, профессор А.Г. Харчев. Его монография «Брак и семья в СССР» пользуется и сейчас значительным спросом.

В ленинградской социологии проявили себя крупными специалистами А.О. Бононов, В.В. Водзинская, Я.И. Гишинский, С.И. Голод, В.Я. Ельмеев, Ю.Н. Емельянов, А.Г. Здравомыслов, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, С.А. Кугель, Е.С. Кузьмин, П.Н. Лебедев, Л.Н. Лесохина, М.Н. Межевич, А.С. Пашков, В.Р. Полозов, А.А. Ру-

салинова, А.Л. Свенцицкий, В.Е. Семенов, Е.Г. Слуцкий, Л.И. Спиридонов, Ю.А. Суслов, Б.М. Фирсов, А.Н. Шаров, Г.И. Хмара, И.П. Яковлев и другие.

В лабораторию В.А. Ядова я пришел работать в 1964 г. с законченным социологическим исследованием ленинградской молодежи. В книге «Социология в России» есть раздел «Ленинградская школа В.Т. Лисовского». Дана следующая оценка: «Еще одно направление в развитии молодежной проблематики — социально-психологическое, представленное в основном Ленинградской школой. Его основное направление было связано с социализацией и становлением личности молодого человека. На базе эмпирического материала построены типы жизнедеятельности студенческой молодежи. Многочисленные книги В.Т. Лисовского по проблемам молодежи, начиная с конца 60-х гг. до настоящего времени, были основным методологическим источником информации по проблемам молодежи. Закономерно, что первый обширный учебник по социологии молодежи был подготовлен В.Т. Лисовским — "Социология молодежи" (СПб., 1996). С присущей ему эмоциональностью он посвятил книгу коллегам, уже ушедшим из жизни» [11, с. 140].

Теперь наш опыт перенимают и многие иностранцы. В 1997 г. в НИИКСИ на годичную стажировку приезжал японский профессор Юдзи Мацунага. Он изучал методологию и методики наших исследований проблем высшего образования. За границей переводят книги советских и российских социологов. И это закономерно. Ибо наша социология прочно встала на ноги.

Вопрос: Что повлияло на Ваше увлечение социологией? Каким образом выявился интерес именно к социологии, обучались ли Вы специально азам этой науки? Известно, что социологии, как таковой, в 50–60-е годы официально не учили.

Ответ: На третьем курсе Ленинградского юридического института имени М.И. Калинина темой курсовой работы я избрал анализ причин групповых изнасилований. В течение нескольких месяцев посещал ленинградский городской суд, где изучил свыше шестидесяти уголовных дел, присутствовал при их рассмотрении. Это было первое серьезное исследование в моей жизни. На кафедре уголовного права мне предложили выступить с публичным докладом. Слушателей в одной из аудиторий Меншиковского дворца, где находился наш институт, собралось много. Пришлось ответить на большое количество вопросов. Мне посоветовали подумать о поступлении в будущем году в аспирантуру. Но в ноябре 1952 г. меня утвердили инструктором Дзержинского РК ВЛКСМ по группе вузов и техникумов. Мечты об аспирантуре пришлось отложить. Потом работал воспитателем в общежитии строителей, помощником начальника строительного управления, юристом, освобожденным секретарем партбюро. В 1959 г. стали создавать народные дружины по охране общественного порядка. Меня утвердили командиром дружины УНР-20 треста № 101 и зам. начальника Дзержинского районного штаба. Добавлю, что с 1953 г. стал увлекаться журналистикой. Мои статьи печатали городские и центральные газеты, выступал по радио и телевидению. В 1961 г. меня приняли в Союз советских журналистов. Постепенно накапливался исследовательский опыт, который хотелось обобщить. Да и мечта об аспирантуре не оставляла меня. После того, как я выступил с докладом о проблемах воспитания молодежи в Театральном институте, зав. кафедрой философии профессор И.В. Локтев предложил мне

поступить в очную аспирантуру. Темой диссертации стала «Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи». В Публичной библиотеке я нашел массу неизвестных мне публикаций, как дореволюционных, так и ученых двадцатых годов. От их чтения трудно было оторваться, что затянуло работу над диссертацией. Частичный анализ был проведен впоследствии в монографии «Эскиз к портрету: Жизненные планы, интересы, стремления советской молодежи (По материалам социологических исследований)» (М.: «Молодая гвардия», 1969) и в совместной книге с С.Н. Иконниковой «Молодежь о себе, о своих сверстниках (Социологическое исследование)» (Л.: Лениздат, 1969).

Во время учебы в аспирантуре я узнал, что на философском факультете ЛГУ есть лаборатория социологических исследований под руководством В.А. Ядова. Я попросил у Владимира Александровича разрешения посещать семинары. Согласие было получено. Надо сказать, что Ядов охотно делился с нами, новичками, своими очень глубокими знаниями. В лаборатории стали выступать и иностранные социологи. Так мы учились.

В 1962 г. в издательстве «Молодая гвардия» была издана книга Б. Грушина и В. Чикина «Исповедь поколения», основанная на результатах опросов Института общественного мнения, созданного при газете «Комсомольская правда». Как журналист, я понимал, что в газеты пишут наиболее активные и недовольные. Поэтому нельзя считать такие данные репрезентативными. Но главное состояло в том, что это был серьезный прорыв возрождающейся социологии в изучении общественного мнения.

В 1963 г. я решил провести выборочный опрос ленинградской молодежи. Разработав анкету, я отправился в Горлит, чтобы получить визу на ее размножение, но получил решительный отказ. Пришлось идти в Горком партии, где меня поддержали. В 63–64 гг. был проведен опрос 2035, а в 66 г. — 2204 молодых ленинградцев.

В октябре 1964 г. я был принят на работу младшим научным сотрудником в лабораторию В.А. Ядова. Это было очень интересное время, «хрущевская оттепель» заканчивалась, а до «брежневского застоя» еще было далеко. На диспутах в Центральном лектории Ленинграда собирались до тысячи человек. Шли жаркие споры о настоящем и будущем страны. Мы наивно полагали, что с помощью социологии можно если не перевернуть мир, то многое изменить. Но не всегда это оправдывалось. Учились на ходу. Семинары, конференции, дискуссии, поездки за рубеж. Я специализировался (и сейчас продолжаю) в области социологии молодежи. И здесь нам большую поддержку стал оказывать ЦК ВЛКСМ. В 1965 г. мы двадцать дней провели в Польше, где встретились с крупнейшими социологами и вернулись оттуда с чемоданами литературы. Затем поездки в Югославию, ФРГ, Англию, Ирландию, Швецию. Я был делегатом пяти всемирных конгрессов социологов, где выступал с докладами и сообщениями. Так проходило мое становление как профессионала.

Вопрос: Что влияло на Ваш выбор и Ваши приоритеты в разных отраслях социологии, в целом общественных наук?

Ответ: Как юрист всегда стремился работать «на стыке наук»: социологии, криминологии и этики. Читал спецкурс «Социальные проблемы молодежи» студентам философского факультета ЛГУ и факультативный курс по этике студентам ЛЭТИ. Затем разработал учебный курс «Социология молодежи», кото-

рый читаю уже 10 лет на факультете социологии нашего университета. В социологии исследую социальные проблемы молодежи, вопросы образования и субкультуры, девиантного поведения. Статьи, брошюры и книги стараюсь писать так, чтобы они были интересны и понятны массовому читателю. Не люблю и не терплю мнимого «наукообразия», тяжеловесного слога. Как научный редактор публикаций стараюсь убирать «заумные фразы». В этом может убедиться читатель журнала, открыв учебник «Социология молодежи», монографию «Духовный мир и ценностные ориентации российской молодежи», сборник статей «Молодежь: тенденции социальных изменений». К сожалению, тиражи книг невелики. Невольно вспоминаешь «эпоху тоталитаризма», когда книга «Молодежь о себе, о своих сверстниках» была издана стотысячным тиражом, «Сотри случайные черты» имели тираж 453 тысячи экземпляров. И их моментально раскупали. Как-то прикинул тираж моих публикаций — оказалось около двух миллионов экземпляров.

Вопрос: Какова была обстановка внутри и вне академической среды? Как складывались у Вас отношения с коллегами по профессиональному «цеху»?

Ответ: С академическими учреждениями Ленинграда и других городов страны у нас всегда были очень хорошие отношения. Вместе проводили семинары, симпозиумы, конференции, вместе ездили на Всемирные конгрессы социологов. А.Г. Харчев приглашал меня перейти к нему на работу, но я отказался. При моем глубочайшем уважении к нему (он был официальным оппонентом на защите мной кандидатской и докторской диссертаций) я не хотел покидать университет, где прошло мое профессиональное становление. Не поехал я работать и в Москву (о чем никогда не жалел), хотя были очень заманчивые предложения. С 1965 г. работаю в НИИКСИ (сейчас по совместительству). С 1993 по 1999 гг. в самое «безденежное время» был директором Института. В феврале 1999 г. передал свой пост профессору В.Е. Семенову. Считаю, что мы, старшие, должны вовремя уступать руководящие должности более молодым.

Вопрос: Какую позицию Вы занимали в 60–70-х годах по отношению к необходимости преподавания социальных наук и академической институционализации социологии в стране, по поводу поддержки тех или иных направлений исследований? Участвовали ли Вы в обсуждении и утверждении социологии в тогдашнем Ленинграде?

Ответ: Отвечая на предыдущий вопрос, я уже рассказал, что с 1964 г. преподавал в вузах социальные науки. Замечу, что в Минвузе РСФСР к нам, социологам, относились в целом положительно, что я, в частности, ощущал на себе. В декабре 1966 г. на коллегии Минвуза России было принято решение о создании в составе НИИКСИ лаборатории социологических исследований проблем студентов и выделены целевым назначением шесть ставок. Сложные были отношения с союзным министерством, где долгое время не хотели слышать о социологии. На одном из совещаний я неудачно пошутил: «Если мы не будем готовить социологов, то превратимся в захудалую африканскую страну». Министр вычеркнул меня их списков участников ВДНХ, представленных на награждение «Золотой медалью».

Постепенно преподавание социологии вводилось в наиболее передовых вузах. Но споры и дискуссии продолжались. И я в них постоянно участвовал.

Вопрос: Каково было отношение к социологии в обществе, начиная с 1960-х годов? Изменялось ли оно?

Ответ: Отношение к социологии, как я говорил выше, в обществе и у властей было очень противоречивое. Покажу на примере возрождения социологии молодежи. В 1964 г. группа молодых ученых и аспирантов обратилась в ЦК ВЛКСМ с предложением поддержать их инициативу о возрождении отечественной социологии молодежи. Это встретило понимание. Инициативной группой под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Ю.В. Торсуева было подготовлено письмо на имя Н.С. Хрущева. Как рассказал после встречи первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, Никита Сергеевич сказал: «Не знаю, нужна ли социология, но пусть комсомол попробует. Ваше дело молодое, получится — распространим ваш опыт, а не получится — выдерем». Вскоре при ЦК ВЛКСМ была создана социологическая группа. Это получило большой общественный резонанс. Но «драли» часто.

К концу 60-х годов в 120 городах страны действовали более 400 социологических групп, центров и лабораторий, изучающих проблемы молодежи. Однако среди преподавателей общественных наук (особенно истории КПСС), раздавались нередко возмущенные голоса: «Какие еще социальные проблемы молодежи, когда партия и правительство их успешно решают?!».

После «студенческой революции» во Франции и событий в Чехословакии 1968 г. нам стало работать легче. К нашему мнению власти стали прислушиваться.

Вопрос: Насколько полно и достоверно освещается история отечественной социологии последних десятилетий, в 60–90-е годы?

Ответ: Я хочу посоветовать читателям познакомиться со вторым изданием книги «Социология в России», опубликованным под редакцией В.А. Ядова в 1998 г. К чести Владимира Александровича, он прислушался к критике и советам социологов в отношении первого издания. Там было много ошибок и искажений. Предвидя это, В.А. Ядов разослал ведущим социологам книгу с просьбой внимательно прочесть и высказать свои предложения. Что и было сделано.

К сожалению, сейчас появляется немало публикаций псевдосоциологов, пытающихся доказать, что «народ живет неплохо», «безработица — стратегия духовного развития личности» и т.д. Особенно много лжи в социологии общественного мнения. «Пиарщикам», как они себя называют, заказчики очень хорошо платят.

Вопрос: Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 50–70-х годов в Советском Союзе, Ленинграде, Ленинградском университете? Кто были Ваши кумиры и учителя? Что, на Ваш взгляд, утрачено безвозвратно, и что необходимо вернуть и сохранить?

Ответ: Восприятие самое доброе и ностальгическое. Я никогда не был «кабинетным» социологом. Побывал почти во всех советских республиках. Дальний Восток, Якутия, Тува, Новосибирск, Томск, Тюмень, Магнитогорск, Архангельск, Мурманск и десятки других краев и городов посетил я в те годы. Встречи, семинары, дискуссии, включенное наблюдение давали массу новой социологической информации. Мы имели возможность проводить опросы в десятках городов СССР. Командировки оплачивал ЦК ВЛКСМ. Сейчас сложно найти деньги даже для поездки в Москву.

Кумирами и учителями были И.С. Кон, В.Г. Иванов, А.Г. Здравомыслов, А.Г. Харчев и многие другие. Ректор университета А.Д. Александров выступал с блестящими лекциями «Знания и нравственность», мог на спор проехать на «колбасе» трамвая. На лекциях И.С. Кона — яблоку негде было упасть. Социолог С.М. Пелевин сочинил частушку: «Кон — ученый, Кон — гигант. У него талант оратора. А Лисовский из него сделал агитатора».

Сколько юмора было в социологической среде. Пели после конференции «Молодежь и социализм» (1967 г.): «На пленарном был не Ляпкин-Тяпкин академик Константинов выступал». Или: «У Ядова волнения: Как о книге ("Человек и его работа". — В.Л.) мнения? А у Рожина "горе от ума", где решения Пленума?». Но пели и такое: «Ой, не надо, ой не надо нам рубить-то стгоряча, не расстреляли бы Леваду, да к столетию Ильича».

В 1969 г. профессор Ю.А. Левада достаточно прямолинейно поставил вопрос о двух парадигмах социологической теории — марксистской и структурно-функционалистской, что привело к остракизму, что, впрочем, сыграло свою положительную роль в просвещении диссидентствующей интеллигенции: изъятые цензурой лекции Левады распространялись Самиздатом.

Но больше всего мы боготворили Б.Г. Ананьева. Нам повезло: мы с ним общались очень часто. Ведь психологический факультет находился, как и мы, во дворце Бобринских. Слово Бориса Герасимовича было непререкаемым.

В 1970 г. издательство Агентства печати «Новости» предложило перевести книгу «Молодежь о себе, о своих сверстниках» на иностранные языки. Но требовалось предисловие крупного ученого. Мы со Светланой Николаевной Иконниковой решили обратиться к Борису Герасимовичу. Переступив порог кабинета, мы робко изложили свою просьбу. В конце дня академик вручил нам предисловие. Это был великий ученый.

Б.Г. Ананьев ушел из жизни 18 мая 1972 г. Утром он шел по Красной улице на факультет психологии и вдруг почувствовал себя плохо. В своем кабинете, пока ехала «Скорая», диктовал свои ощущения.

Борис Герасимович был просветителем в самом широком смысле этого понятия. Равнодушие и отсутствие любопытства к внешнему миру академик считал тяжелым пороком. Главным для него было служение Человеку. И именно он стал создателем факультета психологии и НИИКСИ в ЛГУ.

Напомним, что С.И. Голод защитил кандидатскую диссертацию лишь с третьего «захода». Дважды защиту срывали те, кто считал, что исследованиями сексуальности заниматься не следует. Да и монографию «Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты» долго мурыжили в издательстве «Наука». Я дал на нее в 1984 г. очень положительную рецензию.

В Каунасе после конференции (1969 г.) на банкете был объявлен конкурс на лучшее определение понятия «социология». Приз достался аспирантке, заявившей: «Социология — очень важная для общества и опасная для неумных руководителей профессия».

Немало друзей и коллег ушли безвозвратно. Их не вернуть. Именно поэтому мы и посвятили им учебник «Социология молодежи». Я рад, что сдержал обещание, данное у постели умирающего грузинского социолога, профессора В.М. Квачахия, посвятить учебник тем, кого с нами нет. Правда, один из коллег

сказал: «Зачем устраивать «поминальник?». Иван, не помнящий родства. Хотелось бы вернуть дух сотрудничества и взаимопомощи.

Вопрос: Находили ли Вы официальное признание результатов своих исследований? В чем оно выражалось? Что для Вас более привлекательно: преподавание социологии и общественных наук в вузе или чистые научные изыскания?

Ответ: Да, среди умных руководителей находили. Таким был уже названный мной выше секретарь ЦК ВЛКСМ Ю.В. Торсуев. Он очень много сделал для становления и развития социологии молодежи. Прекрасным секретарем Ленинградского горкома КПСС был Ю.А. Лавриков, ушедший, к сожалению, безвременно, из жизни. К нему всегда можно было обратиться за поддержкой.

Для меня всегда было и остается привлекательным преподавание и научные исследования. Общаться «глаза в глаза» со студентами и аспирантами величайшее счастье. Я не приемлю позицию: «В университете интересно работать, но студенты мешают». Такой горе-педагог должен уходить из вуза.

Вопрос: Насколько значимы были требования партийно-государственных органов для вашей исследовательской и преподавательской деятельности? Находили ли Вы понимание с их стороны в Ваших изысканиях и пропаганде полученных знаний?

Ответ: В НИИКСИ довольно часто обращались партийные руководители с просьбой провести то или иное исследование, что не всегда совпадало с интересами ученых. Но приходилось соглашаться. Правда, и польза была большая. Материалы исследований публиковались. В 1968 г. в журнале «Коммунист» была опубликована статья «Партийный комитет и воспитание молодежи», написанная мной в соавторстве с первым секретарем Василеостровского РК КПСС С.С. Дмитриевым. Это помогло мне при защите кандидатской диссертации, где один из недругов пытался обвинить меня в «методологических, немарксистских ошибках». Я тактично возразил ему: «Но разве теоретический орган партии публикует статьи антимарксистов?». В зале раздался хохот. Но один «черный шар» я, конечно, получил.

В какой бы город я ни приезжал, обязательно приглашали выступить с докладом «Социальные проблемы молодежи» перед руководящими работниками.

Вопрос: Каково Ваше отношение к периоду перестройки и возможностям, предоставленным эрой М.С. Горбачева? Соответственно, как Вы оцениваете период российской истории времен президентства Б.Н. Ельцина?

Ответ: В перестройку я поверил свято, в Горбачева — тоже. Особенно после того, как первую поездку он совершил в Ленинград и сказал на площади Восстания: «С кем же еще, как не с ленинградцами, мне посоветоваться?».

Известно, что ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев наш город не любили. А дальше «процесс пошел», началась говорильня.

В 1990 г. нас, группу из пяти профессоров, попросили написать доклад на Всесоюзный студенческий форум для М.С. Горбачева. Пять дней мы трудились на подмосковной даче, написали всю правду. Но, как впоследствии оказалось, аппаратчики подготовили свой доклад, где главными призывами были: «углубить, улучшить, уруководить».

Объявленная М.С. Горбачевым перестройка была *«революцией»* сорока пятидесятилетних людей, а не молодых. Молодежь, к сожалению, здесь оказалась

только резервом, который ловко использовали политики в своих корыстных целях и отбросили, как выжатый лимон. А ведь молодежь отнеслась вначале к перестройке с надеждой и симпатией, но вскоре убедилась, что все это — «слова, слова, слова». Так называемое «хождение» Горбачева в народ очень быстро стало вызывать раздражение у широких слоев населения, в том числе и у молодежи.

В 1999 г. в речи на семинаре в Американском университете в Турции М.С. Горбачев признался: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма...

Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии...

Если бы настал конец коммунизму в Китае, миру было бы легче двигаться по пути согласия и справедливости» (газета: Usvit (Заря). 1999. № 24. Словакия).

Знал бы он слова великого Томаса Манна о том, что антикоммунизм был и остается основной глупостью нашей эпохи. Но даже два высших образования не являются гарантией спасения от невежества.

К Б.Н. Ельцину, пока он был в Свердловске, я стал относиться с большим интересом после прочтения стенограммы его встречи со студентами. Потом мне рассказали, что там было много показухи. 13 апреля 1991 г. в «Правде» была опубликована моя статья «Демоническая сила невежества», в которой я выступил против призывов «пикейных жилетов», собиравшихся на Пушкинской площади, «сделать Борю царем». Упаси, боже. За развал СССР Ельцину не будет прощения никогда. Ибо он сделал то, что не удалось Гитлеру.

«Все на продажу! Обогащайтесь, кто как может!» — кредо «реформаторов». Тот же Б.А. Березовский начинал свое обогащение с ограбления детей-сирот и педагогов из Яснопольского детского дома, забрав их ваучеры на «дешевый народный автомобиль», который так и не появился.

В какой другой стране, кроме России, допустили бы, чтобы производство около 70% стратегического товара — алюминия — находилось в руках двух человек?! И как им не боготворить главного «прихватизатора» Чубайса?

Олигархов пугает нынешнее стремление власти следовать букве закона, они боятся передела собственности, так как прекрасно знают, каким путем она им досталась.

В.В. Путину досталось печальное наследство. Бывшая империя превратилась в нищую коррумпированную страну, где постоянно происходят катастрофы. Нетрезвое правление Ельцина придется еще долго преодолевать.

Вопрос: Для ученого в сфере социальных наук важна методологическая позиция и пристрастия? Каково Ваше отношение к современным социологическим теориям?

Ответ: В 60-е годы нас называли «ядовцами». Моим научным руководителем по кандидатской диссертации был А.Г. Здравомыслов. Приверженность взглядам и концепциям этих двух крупнейших социологов я сохраняю и сейчас. После защиты В.А. Ядовым докторской диссертации мы пели: «За тобою все трассы, трассы. Лондон, Прага и Эвиан. За тобою опрошенных массы, из рабочих и из крестьян. Выпьем, "Ядовцы", выпьем, братцы, за большой Володин успех!».

Это был, действительно, колоссальный успех. Ибо недруги Ядова специально подготовили некоего Г., который вылил ушат грязи. Ученый совет философского факультета ЛГУ не поверил. Блестяще выступила на защите зав. отделом науки Обкома КПСС З.С. Миронченкова. Еще раз повторю, что среди партийных руководителей того времени было очень много умных, порядочных людей. Об этом следует вспомнить вчерашним «верным марксистам-ленинцам», вмиг побросавшим свои партийные билеты.

Карл Маркс писал о страшной, демонической силе невежества и опасался, что оно еще послужит причиной многих бед и трагедий. Его предвидение оправдалось в истории многократно.

И когда сегодня я вижу внимающую призывам политических авантюристов толпу, готовую растерзать любого, чьи взгляды не укладываются в желаемую схему, мне становится страшно.

Ибо 3 февраля 1938 г. моего отца, безграмотного рабочего, по доносу соседа, позарившегося на наш дом, арестовали и расстреляли.

И хотя Сталин провозглашал, что «дети за отцов не отвечают», нас, трех малолетних сыновей, с мамой погрузили в товарный вагон и отправили в «далекие края».

Поэтому я не идеализирую прошлое. Было очень много горя и страданий. Но история не должна быть «непредсказуемой», пересмотренной в угоду очередному правителю.

В современных социологических теориях меня очень привлекают взгляды зав. кафедрой социологии МГУ, профессора А.И. Антонова, профессора Московского Института социологии РАН В.Н. Шубкина.

Кредо моей научной веры: честность, правда и чувство юмора. Поэтому я уже в течение четырех лет отдаю на рецензии студентам учебник «Социология молодежи» и прошу высказывать свои советы и предложения. Повторяю, что не терплю «перевертышей». Особенно таких: «Редакция латвийской "Университатес авизе" ("Университетская газета") опубликовала в 1994 г. анкету для молодежи, в которую некими "социологами" был включен вопрос: "Русские, на мой взгляд, — грязные свиньи, пьяницы, лентяи, сердечные, отзывчивые, такие же, как мы, зря едят наш хлеб (нужное подчеркнуть!)"».

Латвийское законодательство, как известно, предусматривает уголовное наказание за оскорбление национального достоинства и разжигание межнациональной розни. Но латышская Фемида, обычно, в таких случаях нарушения закона «не замечает» [12].

Если бы какая-нибудь российская газетенка сравнила, к примеру, латышей со свиньями, можно вообразить, какой шум поднялся бы в странах Балтии. Хотелось бы узнать фамилии латышских «социологов», авторов этой анкеты. Ведь они, как правило, защищали кандидатские диссертации в вузах Москвы и Ленинграда. Причем нередко по проблемам «формирования марксистско-ленинского мировоззрения».

По С.И. Ожегову, «перебежчик — тот, кто перебежал к врагу, изменник», «перевертыш — двуличный человек, лицемер», а «переметный — тот, кто легко меняет свои убеждения, переходит на сторону противника» [13, с. 440–441, 447].

Сегодня «модно» быть перевертышем, ведь предательство хорошо оплачивается.

Что касается современных социологических теорий, то меня привлекает теория социального развития, источники саморазвития и возникновения нового, прогрессивного в обществе, необратимость процессов социального развития. К сожалению, наша история является «непредсказуемой».

Вопрос: Предыдущий вопрос тесно связан с проблемой мотивации преподавательского и научного труда, его продуктивности. Можете ли Вы назвать наиболее значимые, с Вашей точки зрения, собственные научные и педагогические достижения?

Ответ: О собственных научных достижениях говорить не очень скромно. Но горжусь тем, что под моим научным руководством защищены 30 кандидатских диссертаций. Мои бывшие аспиранты В.Г. Немировский, Т.Э. Петрова, П.И. Смирнов стали докторами социологических наук. Готовится к защите докторской диссертации один из наиболее талантливых моих учеников А.А. Козлов. Мои бывшие ученики работают во многих городах России и СНГ.

В 1979 г. за цикл работ по социальным проблемам молодежи мы с С.Н. Иконниковой стали Лауреатами премии Ленинского комсомола, а в 1980 г. мне была присуждена премия Димитровского комсомола Болгарии. Это было всесоюзное и международное признание того, что мы сделали.

На протяжении почти 40 лет мы дружим и пишем совместные научные статьи с С.Н. Иконниковой. Польза от этого обоюдная.

Вопрос: Какие теоретические принципы в социологии и в целом в социальной науке Вы разделяете в настоящее время? Какие социологические проблемы и темы привлекают Ваше внимание именно сейчас, в конце 90-х годов уходящего столетия?

Ответ: Особенность современного этапа развития социологии заключается в необходимости глубокой разработки теоретических, методологических и методических проблем исследования, связи теории с практикой. Именно в кризисные периоды проявляется обостренная потребность в теории. Социология делает тайное явным, если она честная и репрезентативная.

В.Н. Шубкин любит повторять фразу: «Социология — зеркало общества, но советские руководители не любят смотреть в это зеркало».

Творческие, ищущие ученые стремятся с помощью социологических методов проверить, подтвердить или опровергнуть гипотезы о причинах и характере происходящих в обществе процессов. И это одна из задач социологии.

Меня удивило отрицание на «Круглом столе» С.И. Голодом существования петербургской социологии [14, с. 5]. Я бы добавил: ленинградско-петербургской, общепризнанной, получившей всемирное признание. Мы всегда гордились тем, с каким интересом нас встречали на Всемирных конгрессах социологов. Думаю, что не совсем права и профессор факультета социологии СПбГУ Р.П. Шпакова, заявившая: «Теоретическая социология в плане систематической, хорошо структурированной и логически аргументированной науки у нас отсутствует. Это подтверждается и отсутствием весомых результатов» [19, с. 21].

Ленинградские (петербургские) социологи всегда уделяли и уделяют сейчас большое внимание методологии и методикам социологических исследований, проблемному подходу, выбору темы, ее актуальности и новизне. Мы никогда не забываем, что данные, полученные в результате социологического исследования, должны быть тщательно проверены и проанализированы. Ученые

НИИКСИ сделали очень многое для становления и развития социологии, опубликовали большое количество учебников, учебных пособий и монографий.

На факультете социологии заведуют кафедрами бывшие сотрудники НИИКСИ проф. А.О. Бороноев, проф. В.Н. Келасьев, проф. Н.Г. Скворцов, преподают проф. В.Я. Ельмеев, Б.Р. Рященко, В.Е. Семенов, З.В. Сикевич, П.И. Смирнов, доц. А.В. Аллахвердова, В.А. Самойлова и другие ученые НИИКСИ. Так, на практике успешно реализуются мечты создателей НИИКСИ о необходимости объединения научного и учебного процессов. В НИИКСИ всегда развивались междисциплинарность и комплексность исследований. Достаточно заглянуть в тридцать томов книг «Человек и общество». Я полностью согласен с профессором В.В. Козловским, сделавшим вывод на «Круглом столе», что «не разработано поле социологии, поэтому по нему бродят разные люди, называющие себя социологами» [14, с. 19].

Добавим лишь, что угроза остаться без работы «сбросила» в социологию немало историков КПСС и научных коммунистов.

Вопрос: В каком направлении, с Вашей точки зрения, развивается современная российская социология?

Ответ: Сошлюсь на В.А. Ядова: «Отечественная социология, теперь институционализируемая в системе академических наук, находится в поисках ответа на извечные наши вопросы: "Куда идет Россия? В чем состоит гражданская роль социологии?". Развитие российской социологии в последнее десятилетие XX в. проходит под знаком нарастающей диверсификации. Диверсификация выражается, прежде всего, в возникновении множества социальных институтов, занятых сбором и анализом текущей экономической, социальной и политической информации» [6, с. 12, 42].

Широкое распространение получила социология общественного мнения. Беда в том, что «пиарщики» нередко дают данные, угодные заказчикам. Но, как предупреждал известный политический деятель Великобритании прошлого века Бенджамин Дизраэли, есть ложь, наглая ложь и статистика. К сожалению, подобной статистики сегодня публикуется очень много. Предвыборные кампании отличаются грязью и цинизмом. На НТВ есть так называемый «Глас народа», якобы являющийся выразителем общественного мнения россиян. В студию приглашают специально подобранных москвичей и они высказывают «общественное мнение».

«Лжи столько, что задохнуться можно», — написал в 1919 г. в «Окаянных днях» в Одессе Иван Бунин. Спустя восемьдесят лет ничто не изменилось. Ибо история повторяется дважды: в виде трагедии и в виде фарса. Так считал Карл Маркс. Сегодня и то, и другое налицо.

После трехдневного ареста В. Гусинского НТВ старалось убедить всех, что его интересы и есть интересы российского народа, что уголовное расследование деятельности «Моста» есть покушение на свободу и права всех — без исключения граждан России. Беззастенчиво вел себя Евгений Киселев, обрывая тех, кто с ним не соглашался. Попробовал бы он так вести себя перед уральцами, сибиряками или дальневосточниками. Вывезли бы из телестудии на тачке, как вывозили до революции с заводов хозяйских прихвостней. Псевдоинтеллигенты «страшно далеки от народа», хотя и пытаются говорить «от имени народа». Под «народом» они понимают лавочников, пустивших все на продажу.

Не следует отождествлять интеллигентов с людьми, которых А.И. Солженицын очень метко назвал «образованцами». Получив дипломы, а то и несколько, они так и остались бездуховными, невежественными, равнодушными в нравственном отношении людьми, готовыми прислуживать тем, кто хорошо заплатит. А.П. Чехов в свое время дал им такую оценку: «Не верю российской интеллигенции, которая стонет, плачет, жалуется, но все притеснители выходят из ее рядов».

Посмотрите сколько вокруг нас «одипломленных» подлецов. Голодный, обездоленный народ мечтает о наказании олигархов, ограбивших страну. Об это свидетельствуют опросы общественного мнения, проводимые честными, а не «заказными» социологами. «Мочить воров!» — призыв Путина встречен «на ура!». Правда, сегодня воруют очень многие, в том числе и народ, не знающий как накормить детей, как выжить в это трудное время.

В журнале «Октябрь» (1998. № 10) была опубликована очень интересная статья социолога Александра Тарасова о вызревающей в молодежной среде ненависти. Социолог пишет: «Голодные, злые и, что самое важное, хорошо образованные, они с ненавистью говорят москвичам: "Вы там за наш счет жируете!"». Молодые люди в провинции ненавидят рыночную систему, капитализм, Америку, богатых, преклоняются перед Че Геварой и готовы, если что, перейти к насильственным методам борьбы. Парадоксально, но спустя 30 лет после «пресловутого 1968 года», ставшего символом молодежного протеста, идеи «новых левых» находят для себя благодатную почву в России.

Власть сама, своими руками готовит будущие революционные кадры, загоняя целые регионы за черту бедности, наглядно демонстрируя молодым провинциалам, что в будущем у них никаких перспектив нет — потому, что ни у них, ни у их родителей нет денег. А знания и талант сегодня в российской провинции — товар бросовый».

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о Ваших намерениях и целях. Какие исследовательские планы имеются в Вашем багаже? Что уже осуществлено, что предстоит сделать?

Ответ: В 2001 г. хочу приступить к социологической разработке темы «Преемственность поколений: диалог культур». Сейчас создаю авторский коллектив. Задел имеется. В 1996 г. университет провел в Петербурге Международную научно-практическую конференцию на эту тему [15]. В 1999 г. проведен анкетный опрос в 8 больших и 20 малых городах России. Необходимо провести новое сравнительное исследование и подготовить монографию. Проблема эта исключительно актуальна. Тем более, что некий молодой «демократ» в ранге вице-премьера пару лет назад заявил, что в XXI век он пойдет без старшего поколения. Но давно известно, что варварам всех времен свойственно уничтожать то, что недоступно их пониманию. На то они и варвары.

Молодое поколение не может жить без света «в конце туннеля», без надежды в условиях глубокого кризиса общества и социально-экономической нестабильности. Но свет может исходить и от идущего навстречу по туннелю поезда.

Успешность выхода из кризиса во многом зависит от инновационных способностей нации. Россия всегда была богата умными и талантливыми людьми.

Задача состоит в том, чтобы создать такие социальные условия при которых каждый, «в ком сидит Рафаэль» (К. Маркс), получил бы возможность для беспрепятственного развития своих дарований. Ибо им, молодым, предстоит жить в XXI веке и исправлять наши ошибки.

Вопрос: Теперь вопрос общего мировоззренческого и даже политического характера. Что могли бы сказать в конце уходящего столетия о прошлом и настоящем нашего Отечества? Каков Ваш диагноз нашего времени?

Ответ: Я не бросал своего партбилета, не сжигал его, как Марк Захаров, в телестудии. Был и остаюсь по своим убеждениям коммунистом. Об этом я сказал на расширенном заседании Ученого совета НИИКСИ во время выборов директора. И коллектив поверил мне. За это большое спасибо.

Как только речь заходит о пересмотре итогов откровенно жульнической «прихватизации», сразу же начинается запугивание: передел собственности приведет, мол, к кровавым «разборкам». Но «разборки» эти и не прекращались. Ибо вся страна находится под контролем бандитских группировок, сросшихся с коррумпированными чиновниками. Напомним, что «дети» и «внуки» лейтенанта Шмидта грабежами не занимались, а слезно просили помочь «несчастливым сиротам». Современные российские жулики их превзошли.

В прошлом нашего Отечества много хорошего, немало и плохого. Но это был наш образ жизни. Вопрос «Куда пойдет Россия?» вызывает сейчас бурные споры на симпозиумах и конференциях, в средствах массовой информации.

В июне 2000 г. в Москве в Центральном доме ученых РАН прошла конференция «Мобилизация и развитие» («МИР»). В ней приняли участие свыше 300 делегатов и других приглашенных из десятков регионов России.

В ходе работы конференции делегаты обсудили предложения ряда участников по первоочередным антикризисным мерам, а также постановили приступить к разработке комплексной стратегии по сформированному выводу России из кризиса. Эта стратегия, как подчеркивается в резолюции конференции, будет осуществляться во взаимодействии с государственными органами и заинтересованными общественными организациями.

Известный предприниматель Л.С. Черный в выступлении на конференции сформулировал стратегию развития для России. По мнению Черного, «здоровый капитализм всегда базировался на духовности и морали. Стратегия построения современной России должна содержать ответ на вопрос: Как нашей стране в XXI веке стать настоящим "обществом знаний"» [16].

Насчет первого тезиса о «духовности и морали» можно поспорить. Зато со вторым — нужно согласиться. Ибо вложение средств в образование — самое выгодное вложение. Знания, интеллект, культура, всесторонняя образованность, интеллигентность и человечность должны стать приоритетами в жизни России.

Абсолютное большинство предлагаемых концепций выхода России из кризиса опирается на три «непременных условия»:

- вхождение в западную цивилизацию;
- интеграция в мировое хозяйство;
- создание «настоящей» рыночной экономики [17].

1. Заметим, что за пятьдесят послевоенных лет западная цивилизация под мощным влиянием США изменила свой облик в худшую сторону, став агрессивно-эгоцентричной, цинично-безнравственной. Культ жестокости и насилия

стал нормой жизни. «Внешняя» (публичная) демократия постепенно трансформируется в тоталитаризм. И только в научно-технической сфере действия Запада достойны подражания.

2. С финансовым состоянием мирового хозяйства, на первый взгляд, все благополучно (особенно, в США). Но при ближайшем рассмотрении возникают серьезные опасения. Ибо «мировое хозяйство» очень напоминает финансовую пирамиду. По миру ходит слишком много ничем не обеспеченных денег и ценных бумаг. «Критический момент» может наступить в любое время. О финансовой неустойчивости и возможном кризисе мирового хозяйства с тревогой пишет Дж. Сорос и другие.

О порядочности в мировом хозяйстве вообще говорить не приходится. Грабеж и мошенничество процветают в «особо крупных размерах». Транснациональные компании стран «золотого миллиарда» приумножают свои богатства за счет остального человечества.

3. Рыночная экономика, как известно, исповедует неконтролируемое потребление. Но природные ресурсы не безграничны.

Поэтому рано или поздно человечество, чтобы не погибнуть, будет вынуждено вести контроль за потреблением. Поэтому вполне возможно, что уже в обозримом будущем рыночная экономика будет объявлена вне закона, как угрожающая существованию человечества. Другими словами, в долгосрочном плане у рыночной экономики перспектив нет. В этом смысле социалистическая плановая экономика с ее, пусть несовершенным, но действующим механизмом контроля потребления, в гораздо большей степени соответствовала грядущим целям человечества.

На Западе, судя по докладам на конференциях ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и публикациям Римского клуба, это давно уже поняли и потихоньку стали перестраивать свои экономики в сторону стабилизации производства и потребления. По существу, в странах «золотого миллиарда» началось (пока медленно, со скрипом) формирование пострыночных экономических структур, в которых рыночным механизмам отводится все меньшая роль и явственно просматриваются элементы контроля и регулирования потребления с использованием «чисто социалистических» методов обобществления собственности и перераспределения доходов [17].

Отец монетаризма Милтон Фридман сетовал в «Независимой газете» на то, что США строят социализм. Идеи равенства и братства, жизнь без господ проповедует социализм. Что можно возразить против этого?

Перед системой образования, в том числе и социологического, встают принципиально новые задачи. Образование отнюдь не должно сводиться исключительно к передаче знаний и переучиванию людей. Оно должно формировать личность, критическое отношение к себе, к своим устаревающим стереотипам и привычкам, новые ценностные ориентации, установки на диалог и сотрудничество. Без этого нельзя войти в XXI век.

Интервью провел В.В. Козловский

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
2. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету: Жизненные планы, интересы, стремления советской молодежи: (По материалам социологических исследований). М., 1969.

3. Социология молодежи: Учебник / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996.
4. Константинов Ф.В. Социологическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1936. № 2.
5. Сталин И.В. Об оппозиции. М., 1928.
6. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.
7. Человек и его работа / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М., 1967.
8. Кравченко А.И. Социология труда и производства // Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1998.
9. Кон И.С. Эпоху не выбирают // Социологический журнал 1994. № 2.
10. Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1.
11. Семенова В.В. Социология молодежи // Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. М., 1998.
12. Литвинова И. Что русские, что негры — студентам в Риге все едино // Известия. 1994. 16 февр.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 14-е изд. М., 1982.
14. Социология в Санкт-Петербурге: Круглый стол // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 2.
15. Преемственность поколений: Диалог культур: Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 24–26 сентября 1996 г. / Отв. ред. В.Т. Лисовский. Вып. 1–2.
16. Черный Л. Стратегия для России // Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 14 июля.
17. Литвиненко В. Опасные догмы // Советская Россия. 2000. 3 авг.

Основные публикации

- Эскиз к портрету: Жизненные планы, интересы, стремления молодежи (по материалам социологических исследований. М., 1969.
- Личность студента. А., 1976. *(В соавторстве с А.В. Дмитриевым.)*
- Любовь и нравственность. Л., 1985.
- Советское студенчество: Социологические очерки. М., 1996.
- Социология молодежи: Учебник. СПб., 1996.
- Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.